

Семейная хроника Вахромеевых

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Во вчерашнем номере «Северный край» начал публикацию фрагментов воспоминаний Варфоломея Александровича Вахромеева – внука предпринимателя и общественного деятеля Ивана Александровича Вахромеева, который на рубеже XIX – XX веков в течение 14 лет был ярославским городским головой. Рукопись воспоминаний передана митрополитом Минским и Слуцким Филаретом (сыном Варфоломея Александровича) в детскую больницу имени 8 Марта, которая расположена в доме Вахромеевых, и печатается с его разрешения.

КОНЧИНА ДЕДУШКИ

Зима, декабрь 1908 года. Накануне Николина дня, вечером, в голубой гостиной – молебен с акафистом Николаю Чудотворцу. Служит причт Спасо-Преображенского храма, в котором дедушка, а потом и папа были старостами. Во время службы ввозят дедушку в кресле на колесах. Я давно его не видел и, как сейчас помню, был удивлен его видом. Он очень похудел, бледное лицо в морщинах, вставшие глаза. Никто к нему не подходит, чтобы не беспокоить. Как мне показалось, он даже не реагировал на окружающую обстановку.

Несмотря на мой возраст (неполных пять лет), я сразу почувствовал какое-то тягостное состояние.

Наступает Рождество. Сестра Катя и старшие братья под руководством гувернантки Софии Адольфовны Гертнер готовят самодельные елочные украшения: бумажные цепи, звездочки, плетут бонбоньерки из специально заготовленной стружки. Мама приносит коробки с конфетами, яблоки, мандарины и елочные игрушки, к которым надо подвязывать нитки. Работа приятная, и все с увлечением заняты делом. Елка будет в классной комнате, как и всегда. Большой елки в зале для приглашенных гостей в этом году не будет. У всех взрослых настроение тревожное и далеко не праздничное. Дедушка очень плох...

Наступил праздник. В первый день вечером было разрешено зажечь елку, тихо посидеть и поиграть около нее. Встав утром 26 декабря, узнаем, что дедушка скончался.

Вечер 27 декабря. Нас, детей, приводят в голубую гостиную. Мы встаем около двери в зал. Он полон народом. Гроб дедушки стоит на возвышении. Идет заунывная служба – парастас. С нами кроме мамы и других близких стоит тетя Маша, моя крестная, с заплаканным лицом. Она всегда приезжает к нам на Рождество. Служба длится довольно долго.

После окончания присутствовавшие представители города, родственники и служащие нашего предприятия постепенно расходятся, и нам разрешают подойти к гробу. На следующий день утром после краткой панихиды мы, дети, прощаемся с дедушкой. Папа стоит у гроба, а мы подходим с другой стороны, где были сделаны ступеньки. Когда очередь дошла до меня, папа слегка улыбнулся мне. Эта невольная нежность, промелькнувшая на его лице (как я теперь ее понимаю!), относилась к сознанию того, что с дедушкой прощается его крестник, который по воле покойного носит данное им ему имя.

Когда я взобрался на ступеньки, папа говорит мне: «Це-

Продолжение.
Начало в номере за 5 декабря.

почти во всю стенку, в котором находился многотомный энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в полном комплекте и другие книги. Перед шкафом стоял большой письменный стол прадеда со всеми принадлежностями, которыми он пользовался до последних дней своей жизни. И как уникальн того времени – пишущая машинка.

У стены внутреннего входа располагались мебель для по-

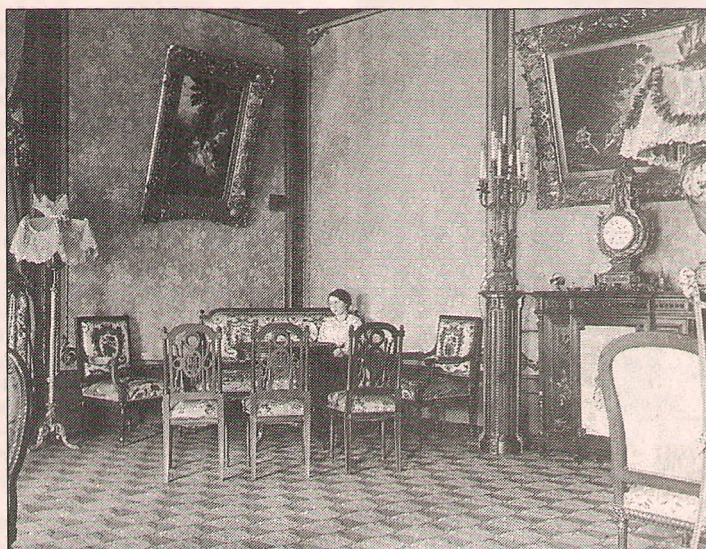
нее это была спальня прадеда, она разделялась в середине драпированной перегородкой от самого потолка и имела вид гостиничного номера: салон и спальня.

Остальная часть первого этажа была занята комнатами прислуги, хозяйственными помещениями (у входа в дом со стороны двора) и двумя кухнями. Одна из них – с плитой, другая – с русской печью, служившая также столовой для прислуги.

ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Старшая сестра Катя и братья Ваня и Коля до поступления в школу занимались начальными предметами с гувернанткой Софией Адольфовной. Она в свое время окончила институт, владела немецким и французским языками и все необходимые азы успешно прививала своим ученикам. Поэтому, когда мы с Мусей подросли и вышли из младенческого возраста, к нам пригласили бонну, с которой мы должны были учить разговорный немецкий язык по ходу игр, про-

Интерьер одной из комнат ярославского дома Вахромеевых.

луй сюда» – и показывает на венчик на лбу дедушки. Но я не мог дотянуться, поцеловал дедушку в нос и содрогнулся... Он холодный!

После прощания последовал вынос. Гроб установили на катафалк, и вся процессия двинулась мимо дома, оглябая его угол. Мы прильнули к окнам в зале и наблюдали. Перед катафалком ехала двуколка с можжевельником, который разбрасывали по пути следования процессии.

Отпевание происходило в нашем приходе – в Благовещенском храме, который находится в переулке около набережной, в районе пристаней. Похоронили дедушку на Лентьевском кладбище рядом с могилой прадеда.

После смерти дедушки в доме все осталось по-прежнему. Установившийся уклад жизни сохранялся, следуя традициям того времени.

НАШ ДОМ

В помещении нижнего этажа находился кабинет прадеда. В кабинете вся обстановка сохранялась в том виде, как это было при нем.

Комната была слегка продолговатой. У стены против окон стояли большая тахта и мягкие кресла. На этой стене висел писанный маслом большой овальный портрет деда.

Иван Александрович изображен на нем в мундире городского головы, с традиционным знаком отличия – круглой медалью на золотой цепочке поверх мундира.

У противоположной стены вдоль окон, слегка отступая, были размещены застекленные витрины с различным библиографическим материалом. У стены наружного входа стоял большой книжный шкаф

сетителей и большой стол для работы технического персонала во время совещаний или приема. Этот кабинет использовался дедом, а по традиции – и моим отцом для совещаний со своими ответственными служащими, руководившими производством и торговлей.

Рядом с кабинетом была небольшая проходная комната; в ней теперь жила бабушкина воспитанница портниха Варя (почти совсем глухая от природы девушка).

Из этой комнаты массивная дверь вела на площадку с закругленной винтовой лестницей в подвальное помещение, приспособленное для книгохранилища; в нем за железной дверью находилась знаменитая дедушкина библиотека. Между прочим, ключи от библиотеки было поручено хранить этой Варе. Вход в библиотеку находился как раз под залом, в центральном углу дома.

В первом этаже, далее от этого угла дома, находилась комната для приезжающих. Ра-

гулок или каких-либо рукоделий, например вышивания или рисования. Но бонны, которые у нас часто менялись, обычно владели русским языком и поэтому не очень утруждали себя приветием нам немецких разговорных навыков. Забегая вперед, скажу, что позднее у нас два лета подряд жила француженка мадемуазель де Бюррос. Она почти ни слова не знала по-русски. Поэтому за два лета мы довольно быстро освоили язык и могли с ней изъясняться по-французски. Она нам много читала из детских французских книг, гуляла с нами, была разговорчива и умела увлечь каким-либо рассказом о Франции.

Когда старшие поступили в учебные заведения, то мы с Мусей перешли под руководство Софии Адольфовны; она готовила Мусю в гимназию Антиповой, где уже училась Катя, а меня – в подготовительный класс реального училища, в которое я поступил в 1913 году, сдав вступительный экзамен.

Следом за нами подрастали младшие братья: Аля, которому к этому времени исполнилось уже шесть лет, и Володя, родившийся в апреле 1909 года. Старшие братья тоже учились в реальном училище, но Ваню в последние годы перевели в Москву, также в реальное училище. Он жил там в семье студента-гувернера, который руководил его домашними занятиями и вообще следил за его успехами и поведением.

Из детских лет, разумеется, ярче всего запечатлелось время каникул. Прежде всего это рождественские праздники. Кроме елки в классной комнате, о которой я уже говорил, устраивалась большая елка в зале. На эту елку приглашали гостей, родных и иногда наших товарищей по школе.

Танцевали на елке под граммофон, а иногда приглашали тапершу. У мамы когда-то в детстве была учительница музыки, некая Мария Михайловна Кожухова. Последнее время она уже не преподавала, а играла по приглашению на домашних праздниках и балах. Это была старушка в парике с наколкой и почти совсем глухая, но бальные танцы того времени она знала хорошо. Однако играла она их как заведенная шарманка: однообразно, невыразительно, но зато ритмично, что главным образом и требовалось в данном случае. На танцующих она не смотрела и останавливалась только тогда, когда ее об этом просили.

Я с детских лет любил петь все, что слышал, без разбора. У меня было высокое сопрано (дискант, как тогда называли) широкого диапазона, поэтому мне было доступно практически все, что я слышал. Когда к нам приходила мамина сестра тетя Зина (Зинаида Алексеевна Уланова), то всегда просила меня петь, обращаясь ко мне: «Вава, спой дамским голосом».

Музыкой я начал заниматься одиннадцати лет, когда перешел во второй класс реального училища. Наш учитель пения, зная мой голос по подготовительному классу, привлек меня к занятиям в общий хор. В этом же году я начал учиться игре на фортепьяно.

Наша домашняя преподавательница полька Летковская была ученицей Анны Васильевны Саренко-Кучеренко, имевшей со своим мужем Дмитрием Митрофановичем в Ярославле частную музыкальную школу. Летковская преподавала в этой школе и была рекомендована нам Анной Васильевной. (А. В. Саренко-Кучеренко была ученицей А. Н. Скрябина, окончила Московскую консерваторию и успешно выступала в сольных концертах. Ее муж Дмитрий Митрофанович – теоретик, тоже окончил Московскую консерваторию.)

Текст воспоминаний В. А. Вахромеева подготовила к печати Татьяна ЕГОРОВА.

(Продолжение следует.)

Третий справа – Варфоломей, будущий автор воспоминаний.